
ОЛЬГА В. АНДРЕЕВА
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
4:12
ТОМ I
ЭПИЗОДИКА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

4:12 — фантастический роман

Ольга В. Андреева

4:12. Том I

«Автор»
2026

Андреева О.

4:12. Том I / О. Андреева — «Автор», 2026 — (4:12 — фантастический роман)

Саша просыпается в 4:12 утра в палате частной психиатрической клиники. Ничего особенно удивительного. Удивительное начинается чуть позже.Потому что Саша совершенно точно помнит то, чего не происходило. На его теле остаются следы событий, которых не было. А потом Саша снова открывает глаза.На часах 4:12. И сегодня опять вчера.

© Андреева О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 — Лес 6
О романе 7
Глава 1 — Лес 8
Глава 2 — Правила пребывания 18
Глава 3 — Игра 30
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Ольга В. Андреева
4:12. Том I

Глава 1 — Лес

О романе

Саша просыпается в 4:12 утра в палате частной психиатрической клиники. Ничего особенно удивительного. Удивительное начинается чуть позже.

Потому что Саша совершенно точно помнит то, чего не происходило. На его теле остаются следы событий, которых не было. А потом Саша снова открывает глаза.

На часах 4:12.

И сегодня опять вчера.

Глава 1 — Лес

Темные сосны мелькали в окне, и город стремительно отдалялся.

Охрана уже давно прекратила смотреть на меня так, будто я собираюсь выпрыгнуть из машины на полном ходу.

У меня в голове все еще звенели слова Кости:

— Сейчас три часа ночи. Я очень устал. От всего.

Я смотрел на разбитые костяшки пальцев и думал, как я вообще оказался в этой точке своей жизни.

Когда машина свернула на гравийную дорогу, я начал думать, что Костя все же решил закопать меня в лесу и больше не мучиться со мной.

В принципе, я бы его понял.

Но минут через двадцать вдалеке между деревьями показался корпус клиники.

Я ожидал увидеть забор.

То есть не просто забор, а нормальный такой психиатрический забор. Высокий. Желательно бетонный. С колючей проволокой, прожекторами и табличкой «НАПРЯЖЕНИЕ 10 000 ВОЛЬТ». Чтобы хотя бы архитектура честно сообщала пользователю характер предоставляемой услуги.

Вместо этого за деревьями стояло что-то среднее между загородным отелем и очень дорогим офисом компании, которая продает медитацию по подписке.

Стекло. Светлый камень. Дерево.

Мягкий теплый свет.

Красиво.

Сука.

Машина остановилась у низкого здания с большим стеклянным входом.

Охранник рядом со мной вышел первым. Второй сидел впереди и что-то тихо говорил по телефону.

Я посмотрел на часы.

03:28.

Отлично.

Понедельник официально начался.

Я дернул ручку двери.

Закрыто.

Охранник обошел машину и открыл снаружи.

— Я не убегу, — сказал я.

Он посмотрел на меня.

Не строго. Не подозрительно.

Просто посмотрел.

— Хорошо.

По тому, как он это сказал, мое обещание имело примерно такую же ценность, как галочка «я ознакомился с пользовательским соглашением».

Я вылез.

Ночью в лесу было холодно.

До этого момента я почему-то не замечал ни холода, ни того, что футболка прилипла к спине, ни того, насколько сильно ноют пальцы. Теперь тело решило вернуться в чат и сообщить обо всем сразу.

Болела голова.

Хотелось пить.

Руки слегка дрожали.

Еще хотелось домой.

Последнее было особенно удачно.

Несколько часов назад врач вполне конкретно сказал мне сидеть дома.

Не «постарайтесь отдохнуть».

Не «сегодня лучше никуда не ездить».

Не выходите из дома.

Я кивнул.

Я понял.

Я даже был согласен.

А потом вышел из дома.

В общем, защита строилась пока не очень.

Я сунул руки в карманы и пошел к дверям.

Охрана шла рядом.

Меня не держали.

Не подталкивали.

Вообще не касались.

Это почему-то раздражало сильнее.

Если бы меня тащили, можно было бы сопротивляться. Если бы орали — послать нахуй. Если бы хоть кто-то вел себя как злодей, я бы получил удобную и понятную роль жертвы обстоятельств.

Но все были вежливы.

Костя был вежлив.

Врач был вежлив.

Охрана была вежлива.

И даже клиника, судя по архитектуре, собиралась запирать меня с исключительным уважением к моему человеческому достоинству.

Двери открылись сами.

Внутри пахло деревом, кофе и чем-то медицинским.

Или медицинское я уже придумал.

В холле нас ждали мужчина за стойкой и женщина в темно-синей форме.

Никаких белых халатов.

Никаких санитаров размером со шкаф.

Стойка регистрации выглядела как ресепшен хорошего отеля.

Не хватало только спросить, предпочитаю ли я номер с видом на лес или на последствия собственных решений.

— Александр?

— Зависит от того, что сейчас будет.

Женщина чуть улыбнулась.

Плохо.

Я не люблю, когда люди профессионально переживают мои шутки.

— Назовите, пожалуйста, полностью фамилию, имя и отчество.

Я назвал.

— Дату рождения.

Назвал.

— Сколько вам лет?

— Тридцать два.

— Где вы сейчас находитесь?

Я осмотрел холл.

— В психиатрической клинике в лесу.

— Название знаете?

Я назвал то, что успел прочитать на въезде.

— Какое сегодня число?

Ответил.

— Как вы сюда приехали?

Я повернул голову в сторону охраны.

— С комфортом.

Она записала что-то в планшет.

— На автомобиле с сотрудниками сопровождения?

— Да.

— Вы понимаете, почему находитесь здесь?

Я замолчал.

Где-то за спиной тихо шуршала куртка охранника.

Больше ничего не происходило.

— Понимаю, — сказал я.

Мне не нравилось происходящее.

Я считал его чрезмерным.

Я хотел домой.

Но вопрос был не в этом.

Понимал.

— Хорошо.

Еще одна галочка.

Мужчина за стойкой попросил телефон.

Я посмотрел на него.

Потом на телефон.

На экране было восемь процентов заряда и несколько уведомлений, которые я так и не открыл.

— Зачем?

— На первое время личные вещи будут храниться у нас.

— Телефон тоже личная вещь?

— Да.

— Очень наблюдательно.

Он протянул руку.

Я телефон не отдал.

Просто продолжал держать.

В нем еще оставались Костя, Оля, Кир, работа, банк, новости, фотографии, какие-то люди, которые совершенно не знали, где я сейчас.

Нормальная жизнь весом двести граммов.

И восемь процентов заряда.

— Александр?

— Да понял я.

Я выключил телефон и положил ему в руку.

Потом отдал часы.

Ключи.

Кошелек.

Ремень.

Шнурки почему-то разрешили оставить.

На этом месте я даже немного оскорбился.

Если уж официально считать меня опасным для самого себя, можно было хотя бы проявить последовательность.

Вещи разложили передо мной, перечислили, сфотографировали и убрали в плотный пакет.

На пакете написали время.03:41.

— Контактное лицо Константин? — спросил мужчина.

— Да.

— Кем он вам приходится?

— Брат.

Мужчина посмотрел в документы.Я тоже посмотрел.

— Двоюродный, — добавил я. — Если для формы важно.

— Спасибо.

Мы жили вчетвером: я, Костя, его жена Оля и его младший брат Кир.

Костя был старше меня всего на три года.

Три года в детстве — это дохрена.

В пять и восемь вы практически принадлежите к разным биологическим видам. В пятнадцать и восемнадцать — он уже взрослый мудак, который почему-то имеет право читать тебе лекцию, хотя сам буквально вчера был таким же идиотом.

В тридцать два и тридцать пять разницы нет вообще.

Кроме моментов, когда Костя смотрит на тебя и говорит:

— Я очень устал. От всего.

И внезапно тебе снова лет пятнадцать.

— Ему сообщили, что я приехал?

— Да. Подтверждение доставки передали.

Доставки.

Прекрасно.

Я уже был не человеком, а заказом.Статус: получен клиникой.

Меня отвели переодеться.

На стуле лежали темные мягкие брюки, футболка, толстовка, белье, носки и что-то среднее между тапками и очень дорогими чунями.

— Это обязательно?

— На первое время — да.

Я посмотрел на серую толстовку.

— А эстетическое преступление тоже входит в программу лечения?

Сотрудник посмотрел на нее.

— Вам не нравится?

— Теперь еще меньше.

Он пожал плечами и вышел.

В углу потолка была маленькая черная точка.

Я подошел ближе.

Камера.

— Ну конечно.

Переодевался я спиной к ней, хотя прекрасно понимал бессмысленность этого жеста.

На бедре обнаружился большой синяк.

Желто-фиолетовый.

Я не помнил, откуда он.

На предплечье было еще два.

Костяшки под ярким светом выглядели хуже, чем в машине. На двух пальцах снова разошлась кожа.

Я согнул руку.Больно.

Не настолько, чтобы что-то с этим делать.

Я натянул футболку.

Она оказалась хорошая.

Мягкая. Плотная. Моего размера.

Это тоже почему-то бесило.

Даже унизить нормально не могут.

Коридор был длинный, светлый и совершенно не похожий на больницу.

Дерево. Матовые стены. Кресла. Небольшие картины.

Очень тихо.

В гостинице такая тишина стоила бы дополнительных денег.

Здесь, подозреваю, уже входила в счет Кости.

Мы поднялись на этаж.

— Здесь шесть палат. Все одноместные.

— Люкс?

Сотрудник посмотрел на меня.

— Можно сказать и так.

— Мини-бар есть?

— Холодильник.

— Уже что-то.

Он открыл дверь.

Я вошел и остановился.

Комната была большой.

Широкая кровать. Диван. Кресло. Стол. Шкаф. Большое окно на темный лес. Отдельная ванная. Холодильник. Панели возле кровати и у двери.

На столе стояла бутылка воды.

Первым делом подошел к ней.

Выпил почти половину сразу.

Только тогда понял, насколько хотел пить.

Сотрудник что-то говорил про свет, шторы и вызов персонала.

Я слушал вполуха.

Вода была холодная.

Рука ныла.

За окном стоял черный лес.

— Александр?

Я обернулся.

— Да.

— Покажу несколько важных вещей.

Он указал кнопку вызова.

Потом управление светом и шторами.

Рассказал про пожарную тревогу и автоматическую разблокировку дверей.

Это я уже слушал внимательно.

Не потому что собирался поджечь клинику.

Просто если тебя где-то запирают, нормально первым делом узнать, как это место открывается при аварии.

Наверное.

Он закончил и направился к выходу.

Я только тогда заметил.

С внутренней стороны двери не было ручки.

Вообще.

Я подошел ближе.

Провел пальцами по дереву там, где она должна была находиться.

Гладко.

— Подождите.

Он остановился.

— Здесь нет ручки.

— Да.

— То есть я сам открыть дверь не могу?

— Сейчас нет.

— А если хочу выйти?

— Вызываете сотрудника.

— А если сотрудник считает, что мне выходить не надо?

Пауза.

— Тогда вы не выходите.

Я посмотрел на дверь.

Вот.Наконец-то.

Можно поставить дерево, мягкий свет, хорошие кресла и спрятать камеры в потолок.

Но ручки нет.

— В ванной тоже камера?

— Да.

— Отлично.

— Душевая зона и туалет частично закрыты от прямого обзора. Камера нужна, чтобы сотрудники могли видеть общую ситуацию.

— Конечно. Это очень меня успокоило.

Он выдержал.

Профессионал.

В ванной действительно была камера.Еще одна дверь.

— А это?

— Служебный вход. Обычно закрыт. Если возникнет опасная ситуация и доступ через основную дверь будет невозможен, персонал сможет войти отсюда.

Я кивнул.Продумано хорошо.

Вот что особенно раздражало.

Плохую систему хочется взломать.

Хорошая вызывает профессиональное уважение.

Даже если ее задача — не выпускать тебя.

На тумбочке лежала папка с правилами.

Что можно.

Что нельзя.

Что можно попросить.

Когда кормят.

Как вызвать персонал.

Сотрудник объяснил, что сейчас около четырех, дежурный врач может предложить препарат, чтобы я поспал, а утром начнется обследование.

— Какой препарат?

Он назвал.

— Дозировка?

Назвал.

— Побочки?

— Лучше обсудить с врачом.
— Хорошо.
Слово вылетело автоматически.
Я усмехнулся.
— Что?
— Ничего.
Через несколько минут пришел врач.
Мы снова прошли аллергии, лекарства, алкоголь, еду, реакции на снотворные.
Он объяснил препарат.
Я согласился.
Мне принесли маленький бумажный стаканчик и воду.
— Принимать тоже при свидетелях?
— Да.
— Чтобы я не открыл здесь нелегальную аптеку?
— Чтобы мы точно знали, что вы его приняли.
— Ваша версия скучнее.
Я проглотил таблетку.
Врач пожелал спокойной ночи.
Сотрудник вышел последним.
Дверь закрылась.
Щелк.
Я сидел на кровати и смотрел на нее.
Можно было нажать кнопку.
Потребовать врача.
Костю.
Документы.
Объяснения.
Можно было орать.
Стучать.
Пытаться что-нибудь разбить.
Хотя разбивать здесь было особенно нечего.
Я устал.
От всего.
Вот же мудак.
Я лег.
Через минуту снова сел, допил воду и лег еще раз.
Комната была почти темной. Вдоль пола горела слабая подсветка.
За окном стояли сосны.
Костя сейчас, наверное, ехал домой.
Мне хотелось представить, что он скажет семье.
Не получилось.
Последнее, что я помню, — моя рука на белом пододеяльнике.
Разбитые костяшки.
...
Проснулся я от музыки.
Не сразу.
Сначала музыка была частью сна.
Потом сон куда-то исчез, а музыка осталась.
Я лежал с закрытыми глазами и пытался понять, что именно не так.

Голова была тяжелая.
Во рту сухо.
Одна рука затекла под подушкой, вторая лежала поверх одеяла и ныла в пальцах.
Музыка играла.
Скрипки.
Что-то очень знакомое и поэтому особенно раздражающее.
Я открыл глаза.
Белый потолок.
Несколько секунд смотрел на него совершенно спокойно.
Потом вспомнил.
— Блядь.
Сел слишком быстро.
Комната качнулась.
Я уперся ладонью в матрас и зажмурился.
Перед глазами поплыли темные пятна.
Скрипки продолжали.
Вивальди.
Конечно же Вивальди.
Я понятия не имел, откуда он играет.
Осмотрел тумбочку.
Стену.
Потолок.
Никакой колонки.
Около кровати была панель с кнопками.
Я нажал верхнюю.
Зажегся свет.
— Блядь.
Нажал другую.
Шторы поехали в стороны.
Утреннее солнце ударило прямо в лицо.
Я закрыл их обратно.
Еще одна кнопка.
Ничего.
Вивальди продолжал.
— Да заткнись ты.
Нажал еще несколько.
Где-то возле двери загорелась маленькая лампочка.
Музыка не выключилась.
Я лег обратно и натянул одеяло на голову.
Не помогло.
Через какое-то время в дверь постучали.
Я не ответил.
Постучали еще раз.
— Александр?
Мужской голос.
Я высунул голову из-под одеяла.
— Да.
Дверь открылась.

Вошел мужчина лет сорока с небольшим. Темные брюки, светлая рубашка, бейдж, планшет.

Посмотрел на меня.

Потом на лампочку возле двери.

— Вы вызвали персонал.

Я тоже посмотрел.

— Видимо.

Он подошел к панели на стене и нажал кнопку.

Вивальди замолчал.

Я несколько секунд смотрел на него.

— Где?

— Нужно удерживать эту.

— Конечно.

Он представился дежурным врачом.

Я потер лицо ладонями.

— Который час?

— Восемь двадцать.

— Я четыре часа спал?

— Примерно.

Чувствовал я себя так, будто ночью меня разобрали, а собрать обратно успели не полностью.

— Как самочувствие?

— Хреново.

Он кивнул.

— Тошнота?

— Нет.

— Головокружение?

— Если резко встать.

— Боль?

Я посмотрел на руку.

— Есть.

Он тоже посмотрел.

— Сегодня осмотрят. Утром возьмем кровь, мочу, сделаем ЭКГ и стандартное первичное обследование. Потом соматический врач. После обеда — лечащий психиатр.

— Наталья Сергеевна?

Он посмотрел в планшет.

— Нет.

Я поднял голову.

— В смысле?

— Наталья Сергеевна проводила консультацию у вас дома. Здесь у вас будет другой лечащий врач.

Сонливость отступила чуть быстрее.

— Ее здесь нет?

— Нет.

Я молчал.

Вчера она была единственным человеком во всей этой истории, которого я хотя бы уже знал.

Я знал, как она говорит.Как смотрит.Что именно ей я пообещал не выходить из дома.

Теперь даже ее не было.

— Понятно.

Дежурный врач продолжил.

Завтрак.Анализы.Осмотр.После обеда психиатр.

По этажу — с сотрудником.Если что-то нужно — кнопка.Если хочу выйти — тоже кнопка.

Я слушал примерно половину.

— Вопросы есть?

Я посмотрел на дверь.

— Ручка не появилась?

Он тоже посмотрел.

— Нет.

— Тогда пока нет.

Он уже собирался выходить, когда я спросил:

— В ванной камера работает постоянно?

— Да.

— Когда я там тоже?

— Да. Зона туалета закрыта частично, но на первом этапе наблюдение постоянное.

Я перевел взгляд на открытую дверь ванной.На черную точку под потолком.

— То есть поссать без наблюдения нельзя.

Он ничего не ответил сразу.

— На первом этапе — нет.

Потом вышел.

Дверь закрылась.

Щелкнул замок.

Я остался сидеть на кровати.

Вивальди молчал.

За окном было утро.

Дверь по-прежнему была без ручки.

В ванной по-прежнему была камера.

А человека, которого я хотя бы видел вчера, здесь не было.

Я лег обратно.Потом вспомнил, что через несколько минут кто-нибудь снова придет.

И сел.

— Заебись.

Глава 2 — Правила пребывания

Через десять минут снова постучали.

Я как раз успел сходить в туалет.

Это оказалось сложнее, чем обычно.

Не физически.

Физически организм справился прекрасно.

Психологически довольно трудно расслабиться, когда в углу потолка висит черная точка и ты точно знаешь, что где-то существует человек, в должностные обязанности которого входит проверять, нормально ли ты писаешь.

Я встал спиной к камере.

Маленькая победа гражданского общества.

Потом умылся, долго пил воду из-под крана и посмотрел на себя в зеркало.

Выглядел я не так плохо, как чувствовал.

Это было обидно.

Если уж человека против его воли увезли ночью в психиатрическую клинику, он имеет право хотя бы выглядеть драматично.

Я выглядел просто невыспавшимся.

На лице ничего.

Синяк на бедре под одеждой.

Костяшки можно спрятать в карманы.

Обычный мужик в серой футболке.

Психиатрия вообще оказалась подозрительно лишена визуальных спецэффектов.

Постучали ещё раз.

— Да.

Вошёл тот же дежурный врач.

— Я хотел объяснить вам основные правила до начала обследований.

— Наконец-то инструкция к номеру.

Он сел в кресло.Я остался на кровати.

— Вы находитесь в закрытом отделении недобровольно.

Я уже знал.

Но когда это произносят целиком, словами, становится почему-то хуже.

Недобровольно.

Не Костя психанул.

Не семейный тайм-аут.

Не «переночуешь, утром поговорим».

Недобровольно.

— Решение принято после повторной психиатрической оценки вашего состояния и риска, — продолжил врач. — Самостоятельно покинуть территорию или отделение вы сейчас не можете.

— Это я по ручке понял.

Он пропустил.

— Первые трое суток режим фиксированный. Большую часть перемещений вы совершаете с сопровождением. Сегодня будет несколько медицинских обследований, обед, затем встреча с лечащим психиатром.

— Натальи Сергеевны всё ещё нет?

— Всё ещё нет.

— Мало ли. Вдруг телепортировалась.

Нет.

Не телепортировалась.

Придётся переживать с новыми людьми.

— Связь с внешним миром на первом этапе также ограничена.

— Насколько ограничена?

— Телефон вам не возвращается.

— Сегодня?

— Пока вы находитесь в этом отделении.

Я посмотрел на него.

— Простите.

— Телефон будет храниться вместе с остальными личными вещами.

— Нет, я услышал. Я просто дал вам возможность исправиться.

Он не воспользовался.

— Интернет?

— Открытого доступа не будет. Вам выдадут планшет клиники. Там книги, игры, расписание, меню, внутренние формы и связь с персоналом.

— Новости?

— Нет.

— Мессенджеры?

— Нет.

— Почта?

— Внешняя — нет.

— Я могу позвонить Косте?

— Пока нет.

Вот здесь я перестал шутить.

— Оле?

— Нет.

— Киру?

— Нет.

— Я могу хотя бы написать, что со мной всё нормально?

— Пока нет.

— Они знают, где я?

— Клиника получила контактные данные и необходимую информацию. Детали внешних контактов определит лечащий психиатр.

— То есть вы забрали телефон и теперь будете решать, когда мне разрешено сказать семье, что я жив?

— Да.

Спокойно.

Без удовольствия.

Это бесило особенно.

— Для моего блага, конечно.

— В том числе.

— Очень удобно устроено ваше благо.

Врач посмотрел на меня.

— Вы сейчас злитесь?

— Нет. Я просто всегда разговариваю как человек, которому запретили связываться с собственной семьёй.

Он кивнул.И что-то отметил.

— Вы всё записываете?

— Не всё.

— Теперь хочется узнать критерий.

— Это можно обсудить с вашим психиатром.

Прекрасно.

У психиатра сегодня явно была большая очередь из моих вопросов.

Врач пролистнул что-то на планшете.

— Теперь обследования. Сегодня нам нужно оценить ваше физическое состояние после последних нескольких суток. Анализы крови и мочи, ЭКГ, общий осмотр, неврологическая оценка. Врачи отдельно посмотрят повреждения.

Я посмотрел на руки.

— Они не очень интересные.

— Это решит врач.

— Конечно.

— Я сразу объясню важный момент. Часть обследований обязательна в рамках вашего текущего статуса и оценки безопасности.

— А если я откажусь?

Он поднял глаза от планшета.

Вот теперь стало интересно.

— Сначала мы попытаемся понять причину отказа.

— Допустим, причина — я заебался.

— Тогда вам ещё раз объяснят необходимость процедуры.

— А если я всё ещё заебался?

— Если обследование необходимо для исключения непосредственного медицинского риска, его всё равно проведут.

Я помолчал.

— То есть это не вопрос.

— Вопрос в том, как именно оно пройдёт.

— Очень демократично.

— Вы можете самостоятельно пойти на обследование, выполнять инструкции и в любой момент задавать вопросы. Если вы начнёте активно сопротивляться обязательной процедуре, персоналу придётся обеспечить её проведение и вашу безопасность.

Обеспечить.

Хорошее слово.

Очень мягкое.

Как плед.

Можно завернуть в него вообще что угодно.

— Заставите.

— При необходимости — да.

Мы посмотрели друг на друга.

Он совершенно не угрожал.

И именно поэтому я ему поверил.

Я был больше него.

Сильно.

Но где-то за дверью существовали те двое, которые ночью аккуратно доставили меня сюда, и ещё какое-то количество людей, для которых большой нервный мужик был не уникальной жизненной катастрофой, а рабочей задачей на понедельник.

Можно было устроить сцену.

Можно было отказаться вставать с кровати.

Можно было проверить, сколько именно сотрудников понадобится, чтобы сделать мне ЭКГ против моей воли.

Очень хотелось оставить хоть одно решение за собой.

— Я сам пойду.

— Хорошо.

— Это не значит, что мне нравится происходящее.

— Не обязано.

Сука.

Даже протест нормально не обесценили.

...

Первой была кровь.

Кровь меня не впечатлила.

Я сидел в кресле, смотрел, как медсестра заполняет пробирки, и пытался вспомнить, когда последний раз сдавал столько сразу.

— Много.

— Несколько стандартных панелей.

— Из меня после них что-нибудь останется?

— Около пяти литров.

— Тогда ладно.

Она почти улыбнулась.

Почти.

Следом ЭКГ.

Потом давление.

Зрачки.

Рефлексы.

«Проследите глазами».

«Сожмите мои руки».

«Пройдите по прямой».

«Закройте глаза».

В какой-то момент мне стало казаться, что если я правильно выполню достаточно заданий, мне выдадут наклейку и отпустят домой.

Не выдали.

Общий врач оказался женщиной лет пятидесяти с короткими светлыми волосами.
Она попросила снять футболку.
Посмотрела плечи. Спину. Руки. Синяки.
— Этот откуда?
Я повернул голову.
На левом боку был ещё один.
— Не знаю.
Она посмотрела на меня.
— Совсем?
Я попытался вспомнить.
Ночь. Машина. Подъезд. Чужой голос. Костя по телефону. Стена слишком близко.
Нет.
— Не помню.
Она ничего не сказала.
Сфотографировала.
— Этот?
Синяк на предплечье.
Кусок памяти всплыл сразу.
Чья-то рука. Я выдёргиваюсь.
— Помню примерно.
— Ударились?
— Нет.
— Вас держали?
Я посмотрел на неё.
— Наверное.
— Кто?
— Давайте пока напишем «неизвестный участник моего очень успешного воскресенья».
Она подождала.
— Кто?
— Человек, к которому я не должен был ехать.
Вот. Уже лучше.
Звучит максимально нормально.
Она записала.
— Костяшки?
Я посмотрел на руки.
Здесь память тоже была. Но кусками.
Злость. Боль. Что-то твёрдое. Потом кровь.
— Сам.
— Ударили кого-то?
— Нет.
— Стену?
— Что-то архитектурно неподвижное.
Она снова посмотрела.
— Не человека.
— Хорошо.
Записала.
Почему-то это «хорошо» было хуже вопросов.

Когда тебя осматривают по частям, общая картина начинает складываться без твоего разрешения.

Синяк. Ещё синяк. Разбитая рука.

Почти не спал. Почти не ел.

Ночью уехал туда, куда психиатр прямо сказал не ехать.

Каждую отдельную вещь я мог объяснить. Это даже не было сложно.

Проблема начиналась, когда они лежали рядом.

— Когда нормально спали последний раз?

— Сегодня.

— До сегодняшнего сна.

Я задумался.

Пятница?

Нет. В пятницу я тоже лёг поздно.

— В четверг, наверное.

Она подняла глаза.

Сегодня был понедельник.

— Сколько вы спали за последние трое суток?

— Ну…

Плохое начало ответа.

...

А потом меня заставили писать под наблюдением.

Вот где окончательно рухнуло человеческое достоинство.

Медбрат стоял за открытой дверью ванной.

Не смотрел прямо.

Что, конечно, радикально меняло ситуацию.

— Я могу закрыть дверь?

— Нет.

— Можете хотя бы отвернуться?

— Могу.

Он отвернулся.

— Спасибо. Теперь мы практически незнакомы.

Тишина.

Я стоял со стаканчиком в руке.

Организм, который до этого прекрасно хотел в туалет, внезапно решил, что мочеиспускание — это очень интимный творческий процесс и работать под давлением он не будет.

— У нас есть время, — сказал медбрат.

— Не помогаете.

Он замолчал.

Через минуту всё получилось. Я закрутил крышку. Посмотрел на стаканчик.

— Костя за это отдельно доплачивает или входит в пакет?

Медбрат кашлянул.

Я решил считать это победой.

...

К двенадцати я устал так, будто работал.

Хотя всё, что делал последние несколько часов, — позволял разным людям проверять, насколько успешно я дожил до тридцати двух.

Меня вернули в комнату ненадолго.

На панели уже появилось расписание.**12:00 — обед.14:00 — первичная консультация.**

Я сел на кровать.

Четырнадцать ноль-ноль. Ну хорошо.

Сегодня понедельник.

Допустим, сегодня они меня посмотрят.

Завтра ещё что-нибудь проверят.

В среду поговорят.

Четверг.

Пятница.

Я дал им неделю.

Щедро.

Неделя была неприятной, но понятной.Можно было пережить.

Поспать.

Сдать всё, что у меня ещё не успели взять.

Показать себя адекватным.

Объяснить врачу, что последние дни были исключением, а не новой формой существования.

К выходным Костя остынет.

Я остыну.

Все признают, что слегка переборщили с дверью без ручки.

Максимум десять дней.

Две недели — уже клиническая жадность.

...

За обедом выяснилось, что больница решила унижать меня качеством еды.

В столовую меня привели двое сопровождающих.

Оба здоровые.

Не киношные шкафы.

Просто люди, про которых сразу понятно: если я внезапно решу проверить физическую часть утреннего предупреждения, эксперимент будет коротким.

Один объяснил:

— Пока вы выполняете словесные инструкции и нет риска для вас или окружающих, мы вас не касаемся.

— А если я убегу?

— Сначала попросим остановиться.

— Очень вежливо.

— Обычно работает.

Столовая тоже была неправильная.

Светлая. Большие окна. Растения.

Нормальная еда стояла за стеклом, как в ресторане.

Никакой больничной каши оттенка «мы больше не верим в человечество».

Медсестра утром сказала попробовать сырный суп с трюфелем.

Я решил, что она преувеличивает.

Она не преувеличивала.

Я взял суп. Стейк с соусом из чёрной смородины. Беби-картофель. И салат, просто чтобы организм не решил, что после психиатрической госпитализации начался отпуск.

Меня посадили в небольшой полузакрытой зоне за растениями.

Сопровождающие остались у входа.

— Если захотите добавку, можете выйти сами, — сказал один.

Я посмотрел на него.

— Сам?

— В пределах столовой — да.

Вот.

Свобода.

Примерно двенадцать метров.

Я сел. Попробовал суп.

Сука.

Очень вкусно.

Не «для больницы». Не «учитывая обстоятельства». Просто очень вкусно.

Густой сырный суп, горячий хлеб, трюфель ровно в том количестве, когда ты его чувствуешь, но повар ещё не начинает тыкать им тебе в лицо.

Я съел вторую ложку. Потом третью.

— Ненавижу вас, — сообщил я супу.

Суп пережил.

Стейк тоже оказался отличный. Соус кислый, немного сладкий. Картошка с хрустящей корочкой.

Я сидел в закрытой психиатрической клинике, без телефона, между двумя сопровождающими, которые могли меня удержать, если я решу уйти, и ел стейк с чёрной смородиной.

Костя умудрился отправить меня в тюрьму с хорошим room service.

Конечно. Если запирать родственника — то хотя бы с нормальным винным соусом. Хотя вина, подозреваю, здесь не было.

Я доел всё.

Это тоже раздражало.

Хотелось хотя бы демонстративно потерять аппетит.

Но организм за последние дни и так достаточно участвовал в моих принципиальных решениях.

Пусть ест.

В четырнадцать меня повели к психиатру.

...

Кабинет был на том же этаже.

Никакого стола между нами. Два кресла, диван, низкий столик, вода. Большое окно.

Мужчине напротив было где-то пятьдесят с небольшим.

Имени я не запомнил.

Не потому что он плохо представился.

Потому что к этому моменту за день мне представилось человек двенадцать, и мозг официально прекратил приём новых сотрудников.

— Если забудете, можете спросить ещё раз, — сказал он.

— Спасибо. Это очень поддерживает мою когнитивную репутацию.

Он улыбнулся.

Чуть-чуть.

Плохо.

Ещё один умеет обращаться с шутками.

— Мне нужно сегодня собрать первичную информацию. Это не полноценная терапевтическая сессия.

— То есть сегодня вы просто выясняете, насколько всё плохо.

— В том числе.

— Отлично.

Он включил планшет.

Сначала было скучно.

Где родился. Чем занимаюсь. С кем живу.

Хронические болезни. Алкоголь. Наркотики. Лекарства.

Случались ли раньше психиатрические эпизоды. Были ли госпитализации. Пытался ли причинить себе вред.

— Нет.

— Мысли о самоубийстве?

— Нет.

— Сейчас?

— Нет.

— За последние недели?

— Нет.

— Желание причинить вред кому-то другому?

— Нет.

— Сейчас?

— Нет.

— Вы часто спрашиваете одно и то же.

— Иногда ответ меняется в зависимости от времени.

— Пока держимся.

Он записал.

— Почему, по-вашему, вы здесь?

Я откинулся в кресле.

Вот.Наконец нормальный вопрос.

— Потому что последние несколько дней я принимал не лучшие решения.

— Какие?

— Вы читали документы.

— Читал.

— Тогда это тест?

— Мне важно услышать вашу версию.

— Моя версия длинная.

— У нас есть время.

У меня не было.У него, видимо, было.

— Я оказался в неприятной ситуации.

— Какой?

— Меня шантажировали.

Он ждал.

— И?

— И я попытался решить это сам.

— Почему?

— Потому что это касалось меня.

— Только вас?

Пауза.

— Нет.

— Кто ещё мог пострадать?

— Семья.

— Поэтому вы решили не говорить им?

— Поэтому я решил сначала понять, что вообще происходит.

— Получилось?

— Очевидно же.

Он снова почти улыбнулся.

— Дальше.

Я посмотрел на окно.

— Дальше Костя узнал.

— Как?

— Это сейчас важно?

— Я пока не знаю.

— Удобная профессия.

— Как он узнал?

Я рассказал. Не всё. Каркас. Без мяса.

Костя. Дом. Разговор. Врач. Наталья Сергеевна.

Её прямое:

Сегодня из дома не выходите.

— Вы поняли эту рекомендацию? — спросил психиатр.

— Да.

— Считали её разумной?

Я помолчал.

— В тот момент — да.

— Вы согласились соблюдать?

— Да.

— А потом?

— Потом изменились обстоятельства.

— Какие?

Телефон. Сообщение. Несколько слов на экране. Ощущение, что если я не решу это сейчас, всё станет хуже.

— Человек, который меня шантажировал, написал снова.

— Вы кому-нибудь сказали?

— Нет.

— Позвонили врачу?

— Нет.

— Косте?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он бы меня не пустил.

Психиатр ничего не сказал.

Сука.

Я сам услышал.

— Да, — сказал я. — Я понимаю, как это прозвучало.

— Я пока не сказал, как это прозвучало.

— Вам не обязательно.

Он подождал.

— Вы поехали к человеку, которого считали опасным для себя и своей семьи, именно потому, что знали: если сообщите близким, они не дадут вам туда поехать.

— Если сформулировать максимально хуёво — да.

— А если максимально точно?

Я посмотрел на него.

— Тоже да.

Вот. Неприятно.

— Что произошло там?

— Это будет отдельный сериал.

— Сегодня достаточно основных событий.

Я рассказал ещё немного. Без деталей, которые пока не хотелось отдавать незнакомому человеку.

Он не давил. Если я говорил «не хочу сейчас», он отмечал и шёл дальше.

От этого почему-то хотелось рассказать больше.

Тоже подозрительная технология.

— Сколько вы спали в ту ночь?

— Не знаю.

— До неё?

— Мало.

— Ели?

— Наверное.

— Это не ответ.

— Тогда нет.

— Алкоголь?

Я ответил.

— Травмы?

Я показал руки.

— Это я уже видел в карте.

Конечно.

У моих костяшек теперь была документация.

— Когда вы поняли, что ситуация вышла из-под контроля?

— Когда приехала охрана.

— Не раньше?

— Нет.

Он посмотрел на меня. Не осуждающе. Просто внимательно.

— Хорошо. К этому вернёмся позже.

— Мне очень нравится ваше «позже». Оно создаёт впечатление, что мы с вами планируем долгие отношения.

Он посмотрел в планшет.

— Планируем.

Я усмехнулся.

— Ну неделю вы меня точно помучаете.

Он ничего не ответил.

Плохой знак.

— Две?

Он отложил планшет на столик.

Совсем плохой знак.

— Александр, я хотел обсудить это после первичного интервью.

— Вот мы и обсудим.

— Предварительный срок вашего пребывания здесь — полтора месяца.

Я посмотрел на него.Наверное, секунд пять.

— Что?

— Полтора месяца.

— Нет.

Он молчал.

— В смысле полтора месяца?

— Примерно шесть недель.

— Я умею переводить месяцы в недели.

Я встал. Не специально. Просто в какой-то момент обнаружил себя на ногах.

— Сорок пять дней?

— Ориентировочно.

— **Сорок пять дней?**

— Это предварительный срок. Он будет зависеть от динамики состояния, результатов наблюдения и дальнейшего плана лечения.

— Подождите.

Я прошёл к окну. Вернулся.

— Я думал, несколько дней.

— Понимаю.

— Нет, вы не понимаете. Я думал — два. Три. Ну неделю, если вы тут все очень любите перестраховываться.

Он ничего не сказал.

— Костя знает?

Пауза была короткая. Но я успел понять ответ.

— Да.

Я смотрел на него.

— Он знал, что меня везут сюда на полтора месяца?

— Предварительный срок с ним обсуждался.

Вот теперь я действительно охуел.

Глава 3 — Игра

Во вторник чертового Вивальди я выключил сам.

Со второго раза, но тем не менее. Если лечение продолжит идти такими темпами, к концу недели я, возможно, научусь самостоятельно открывать шторы, а ещё через месяц мне доверят ручку от двери.

Я полежал немного, наслаждаясь тишиной и этим небольшим достижением.

Вчерашние полтора месяца никуда не делись. Я проверил.

На планшете уже висело расписание, в котором клиника совершенно спокойно планировала мою жизнь дальше среды, как будто вопрос с моим пребыванием здесь был решён и больше никого особенно не интересовал. Завтрак, обход, прогулка, психиатр, ещё какие-то обследования. На четверг тоже что-то было. И на пятницу.

Меня это раздражало.

Я всё ещё рассчитывал, что где-то между сегодняшним психиатром и завтрашним завтраком кто-нибудь всё-таки признает очевидное: да, последние несколько дней были хуёвыми, да, мне стоило поспать, успокоиться и перестать принимать решения, но полтора месяца — это уже какая-то медицинская фантазия Кости за его же деньги.

...

К двум меня снова отвели в кабинет.

Психиатра звали Игорь Михайлович. Во всяком случае, на этот раз я был почти уверен. Вчера за день мне представилось столько людей, что ещё пару фамилий — и пришлось бы заводить таблицу.

Он спросил, как я спал.

— Прекрасно. Видимо, организм поддерживает вашу сторону конфликта.

— Какого конфликта?

— Моего с вашим календарём.

Он посмотрел на планшет.

— Сорок пять дней?

— Именно.

— Сегодня я не собирался обсуждать срок.

— Очень удобно.

— Я хотел вернуться к воскресенью.

Вот воскресенье мне нравилось ещё меньше срока.

— К какой части?

— К последней. Почему вы ночью ушли из дома?

Я ожидал, что мы будем постепенно подбираться к этому месту. Сначала машина, потом Костя, потом врач. Видимо, психиатры не очень уважают хронологию.

— Мне предложили закончить игру.

Он не переспросил сразу. Просто посмотрел, и я понял, что слово ему не понравилось.

— Что для этого нужно было сделать?

— Приехать.

— К кому?

— К человеку, с которым я играл.

— Вы знали его?

— Нет.

Теперь переспросил.

— Никогда не встречались?

— До той ночи — нет.

— Но ночью поехали к нему домой.

— Не домой. Он прислал адрес.

— Хорошо. Зачем?

Я уже ответил.

— Закончить игру.

— Что это означало?

Перед глазами почему-то всплыл не адрес и даже не сообщение, а белый свет телефона на столе в кабинете Кости.

В доме было темно. Я шёл мимо кабинета, кажется, за водой, и увидел на столе свой телефон. Последние несколько дней до клиники в памяти вообще лежали какими-то плохо подписанными кусками. Иногда я точно знал, что было раньше, иногда два события менялись местами, а некоторые вещи помнил с ненужной точностью. Например, на столе рядом с телефоном стояла чашка Кости. Белая, с тонкой чёрной полосой. Я ещё подумал, что он опять оставил кофе на ночь и утром будет пить холодный.

Экран загорелся.

Новый аккаунт.

Я удалю всё при тебе, если приедешь.

Я взял телефон со стола и перечитал сообщение несколько раз.

— Он обещал удалить материалы, — сказал я.

— Какие?

— Не хочу сейчас про них.

— Хорошо. Почему вы решили, что обещание настоящее?

— Не решил.

— Тогда почему поехали?

Это уже начинало раздражать.

— Потому что до этого он ничего не собирался удалять. А тут впервые появилась возможность всё закончить.

Я помню именно это ощущение.

Не радость даже. Скорее как если несколько дней сидишь в комнате с работающей сигнализацией, а потом кто-то наконец говорит, где кнопка.

Я прекрасно понимал, что человек может врать. Конечно понимал. Я вообще довольно много чего понимал в те дни, что, как выяснилось позже, не особенно помогало.

Но если он действительно собирался удалить всё при мне, я должен был приехать.

Иначе какой был смысл во всём предыдущем?

— Наталье Сергеевне вы могли позвонить? — спросил Игорь Михайлович.

— Была уже ночь.

— Если бы было два часа дня?

Я посмотрел на него.

— Всё равно не сказал бы.

— Потому что она не разрешила бы ехать?

— Потому что она не понимала игру.

Он записал что-то.

Меня ужасно бесило, когда он записывал именно после таких фраз.

— А Константин понимал?

— Костя к этому моменту уже забрал у меня телефон и, подозреваю, собирался забрать паспорт и право принимать решения до совершеннолетия.

— Почему?

— Потому что он Костя.

— Только поэтому?

Нет.

Не только.

Игорь Михайлович подождал.

— Днём была машина, — сказал я.

— Та, которая оказалась в реке?

— У вас удивительно подробная карта.

— Почему она оказалась в реке?

Я вздохнул.

— Это тоже было задание.

Вот тут он впервые действительно замолчал.

Не театрально. Просто оставил несколько секунд, в которые я сам услышал, насколько хорошо рядом стоят слова «задание» и «машина в реке».

Я плохо помню, как именно всё происходило на мосту.

Помню, что долго рассчитывал, как поставить машину. Помню мокрый асфальт. Хотя дождя, кажется, уже не было. Помню ограждение и как оно вдруг оказалось намного ближе, чем я планировал. Помню очень громкий звук металла.

А потом уже сирены.

Если между этими вещами были какие-то важные мысли — они не сохранились.

— Вы находились в машине? — спросил психиатр.

— Когда она упала — нет.

— А до этого?

— Конечно.

— Вы успели выйти?

— Да.

Это была та часть истории, которую все вокруг поняли неправильно, и мне некоторое время очень нравилась их версия.

К тому времени, когда я более-менее начал соображать, около моста уже стояли полиция, скорая и половина района. Машина лежала в воде, сверху было видно только часть крыши. Кто-то снимал. Люди вообще очень любят снимать чужой пиздец, особенно когда он красиво расположен в реке.

Меня посадили в скорую. Кажется, измеряли давление. Кто-то дал воды.

Потом появился свидетель.

Я его не помню вообще. Ни лица, ни одежды. Возможно, я его даже не видел. Только услышал уже от кого-то, что мужчина, ехавший сзади, якобы видел, как я резко ушёл в сторону, будто объезжал кого-то на дороге.

Версия всем понравилась.

Через некоторое время я уже почти спасал пешехода.

Ещё немного — и, думаю, там появился бы детский сад.

Меня особо не допрашивали. Во-первых, машину всё ещё доставали из воды. Во-вторых, я выглядел как человек, который только что чудом не утонул, и в каком-то смысле это даже было правдой. Меня спрашивали, не болит ли голова, сколько пальцев я вижу, не тошнит ли.

Я отвечал.

Поправлять историю про пешехода не стал.

— Почему? — спросил Игорь Михайлович.

— Потому что моя версия была хуже.

— Какая?

Я посмотрел на него.

— Что я сам спустил машину с моста, потому что мне сказали это сделать.

Он опять ничего не записал.

Так было почему-то неприятнее.

— Вы в тот момент понимали, что это звучит ненормально?

— Да.

— Но само действие ненормальным не считали?

— Я не говорил этого.

— А как считали?

Я попытался вспомнить.

Вот здесь было хуже. Я помнил машину в воде, голубые вспышки на деревьях, какой-то мерзкий сладкий чай в пластиковом стакане. А свою мысль — нет.

— Не знаю. Наверное, считал, что уже поздно обсуждать.

— Это было первое опасное задание?

— Нет.

— Первое настолько опасное?

Я пожал плечами.

— Наверное.

Он не стал уточнять.

Пока.

— Константин приехал туда?

— Да.

Костю я помню лучше.

Он появился очень быстро, хотя, возможно, прошло минут сорок. В тот день время вообще существовало отдельно от меня.

Сначала он был просто испуган.

Подошёл, потрогал меня за плечи, за голову, спросил, цел ли я. Несколько раз. Потом говорил с кем-то из полиции, со скорой, куда-то звонил насчёт машины.

Я сидел и смотрел на него.

Мне было хорошо от того, что он приехал.

И одновременно я уже знал, что сейчас станет плохо.

— Он тоже сначала думал, что это ДТП? — спросил Игорь Михайлович.

— Все так думали.

— Когда узнал?

— Не помню точно.

Это правда.

Помню только его лицо после.

Мы уже, кажется, были не у моста. Или ещё у моста. В машине? Нет. Наверное, всё-таки там.

— Ты сам?

— Да.

— Сам что?

— Машину.

Потом пауза.

Костя иногда умеет молчать так, что начинаешь сам добавлять недостающие обвинения.

Я объяснил про задание.

Не всё. Столько, сколько смог.

Что уже почти три недели идёт игра. Что есть человек. Что у него кое-что есть. Что он даёт задания.

Костя спросил:

— Ты совсем ебанулся?

И вот это я помню хорошо.

Не потому что фраза необычная. Просто именно после неё мы окончательно поссорились.

— Это не с машины началось, — сказал я психиатру.

— С чего?

— Неважно.

— Для нас важно.

— Дойдём.

Я уже начал использовать его слова против него.

Кажется, он заметил.

— Хорошо. Что сделал Константин?

— Сделал ровно то, из-за чего я ему ничего не рассказывал.

— Что именно?

— Решил, что теперь он будет управлять моей жизнью.

На самом деле всё было чуть менее эффектно.

Он спросил, сколько это длится.

Потом что-то ещё, про деньги, кажется.

Я злился так, что половину разговора помню только по отдельным словам.

«Сколько».

«Ещё».

«Почему не сказал».

И главное:

«Ты понимаешь, что мог умереть?»

Вот это бесило особенно.

Я не собирался умирать.

Я вообще очень старательно собирался не умереть.

— Вы ударили рукой во время разговора с ним? — Игорь Михайлович посмотрел на мои костяшки.

— Да.

— Его?

— Нет.

— Что?

— Не помню. Стену. Машину. Что-то твёрдое и неодушевлённое.

— Почему?

— Потому что он меня заебал.

— Чем?

— Тем, что опять был старше.

Психиатр поднял взгляд.

— На три года?

— На всю жизнь.

Он не стал спрашивать дальше, и я был ему за это благодарен.

Костя вызвал Наталью Сергеевну.

Я был против. Потом согласился. Потом снова был против.

К её приезду мне уже хотелось только лечь и чтобы все ушли.

Наверное, если бы тогда кто-нибудь предложил мне сутки вообще ничего не решать, я бы подписал договор кровью. Возможно, именно поэтому я так легко согласился на её условия.

— Какие? — спросил Игорь Михайлович.

— Остаться дома. Передать телефон Косте. Не отвечать человеку из игры. Никуда не ездить. Поспать. Утром она собиралась снова приехать.

— Она предлагала госпитализацию?

— Нет.

— Почему?

— Откуда я знаю?

— Что она сказала?

Это я помнил.

Наталья Сергеевна сидела в кресле, Костя ходил где-то за спиной и ужасно мешал просто фактом существования.

Она задавала вопросы, от которых я уже тогда чувствовал себя идиотом.

Хотел ли я умереть.

Нет.

Хотел ли утонуть вместе с машиной.

Нет.

Слышал ли голоса.

Нет.

Понимал ли, что произошло.

Да.

— Сейчас я не вижу причины немедленно госпитализировать вас, — сказала она. — Но я не считаю безопасным оставлять вам возможность продолжать эту ситуацию сегодня ночью.

Мне формулировка не понравилась.

Особенно «оставлять возможность».

Как будто возможность принадлежала ей.

Но телефон я отдал.

Костя отнёс его к себе в кабинет.

Остаться дома согласился.

И действительно собирался спать.

— И считали, что после машины вам лучше сегодня больше ничего не решать? — спросил психиатр.

— Да.

Он чуть откинулся в кресле.

— А через несколько часов всё равно уехали.

— Вы сейчас специально собираете фразы так, чтобы я выглядел максимально плохо?

— Нет.

— Очень похоже.

— Тогда поправьте.

Я открыл рот.

И не сразу нашёл, что именно.

Потому что в фактах ошибки не было.

Это раздражало больше всего.

— Появилась новая информация, — сказал я.

— Что человек согласен удалить материалы.

— Да.

— Это сделало его менее опасным?

— Нет.

— Сделало вас менее уставшим?

— Нет.

— Поездку безопаснее?

— Я не знаю. Блядь.

Он выдержал паузу.

Я встал, дошёл до окна и вернулся. Здесь, оказывается, разрешалось ходить по кабинету. Очень щедро.

— Вы не понимаете, — сказал я. — Это был первый раз, когда он предложил нормальный выход. Не очередное задание. Не «сделай ещё вот это, и тогда всё хорошо». Он сказал: приезжай, я удалю всё при тебе. Всё.

Игорь Михайлович посмотрел на меня внимательно.

— До этого он говорил: «сделайте это — и всё будет хорошо»?

Я остановился.

Вот так мы совершенно случайно подошли к тому месту, куда я пока не собирался его пускать.

— Примерно.

— Долго?

— Несколько недель.

— Сколько?

Я попытался посчитать и не смог.

Вторник?

Среда?

Точно не на прошлой неделе.

В какой-то момент я почти перестал спать, и дни слиплись. Работа была. Потом выходные. Потом опять работа.

— Не знаю. Недели две с лишним. Почти три, если считать с самого начала.

— И всё это время вы называли происходящее игрой?

— Оно так и называлось.

— Кто его так назвал?

Я посмотрел на него.

— Мы.

— Вы тоже?

— Да.

Кажется, он хотел спросить что-то ещё, но передумал.

Я сел обратно.

В кабинете было тихо. За окном ветер двигал верхушки сосен, и мне почему-то впервые пришло в голову, что я вообще не знаю, где именно нахожусь. Не в смысле адреса. Адрес был в документах. Просто если выйти за территорию и пойти через лес, я понятия не имел, куда приду.

Очень удачное место для лечения людей, которые хотят домой.

— Я правильно понимаю, — сказал Игорь Михайлович, — что после машины вы согласились прекратить игру?

— Да.

— А когда вам предложили её закончить по вашим правилам…

— Не по моим.

— Хорошо. Предложили финал, который выглядел для вас приемлемым. И вы снова вошли в неё.

Я хотел сказать, что нет.

Но слово «снова» зацепилось.

— Я ехал не играть.

— А что произошло, когда вы приехали?

Вот тут память снова провалилась.

Подъезд.

Лифт или лестница.

Кажется, лестница.

Очень яркий свет в коридоре.

Чужая дверь.

Мужчина, которого я раньше никогда не видел.

Дальше всё шло какими-то короткими кадрами, и я не был уверен, какие из них настоящие, а какие додумал уже потом.

Я помнил, что хотел увидеть устройства.

Помнил, что он смеялся.

Помнил собственную злость.

А потом Костю.

И охрану.

— Ничего хорошего, — сказал я.

— Вы снова получили травмы?

— Возможно.

— Вы могли оттуда не выйти самостоятельно?

Я пожал плечами.

— Возможно.

— Вам пришлось вызывать Константина?

— Нет.

— Как он узнал?

— Это отдельная история.

— Хорошо.

И снова это его «хорошо».

Но к этому моменту меня уже меньше раздражало слово и больше — то, что я сам постепенно начинал понимать, почему Костя после второй поездки перестал со мной обсуждать варианты.

Игорь Михайлович закрыл планшет.

— Я не прошу вас сегодня согласиться с полутора месяцами.

— Как великодушно.

— И даже с госпитализацией.

Это было неожиданно.

— А с чем тогда?

— Пока ни с чем. Мне важно, чтобы вы могли посмотреть на последние сутки не только изнутри каждого отдельного решения.

Я уже знал, куда он ведёт, и не хотел помогать.

Он продолжил:

— Днём действие из игры едва не закончилось тяжёлой травмой. После этого вас осмотрел психиатр и решил, что при соблюдении конкретных ограничений вы можете остаться дома. Вы с ограничениями согласились. Через несколько часов вы сознательно их обошли, потому что появилось условие, которое показалось достаточно важным.

— Да.

— Вот это пока всё.

Очень хотелось, чтобы он добавил мораль.

Не добавил.

— И вы поэтому считаете, что меня надо держать здесь сорок пять дней?

— Я считаю, что во вторник рано утверждать, что тот механизм, который сработал в воскресенье, больше не сработает.

Это прозвучало значительно хуже, чем я ожидал.

Не потому что я согласился.

Просто спорить было неудобно.

— Три дня, — сказал я.

— Что?

— Три-четыре дня я бы понял. Ну хорошо, неделю. Поспать, прийти в себя, перестать выглядеть как человек, которого собирали по частям. Но полтора месяца — это всё равно пиздец.

— Возможно, через неделю вы будете думать иначе.

— Возможно, через неделю я буду планировать побег.

— Тогда у нас появится новая тема для разговора.

Вот теперь он всё-таки улыбнулся.

Немного.

Сессию закончили почти вовремя.

...

Вечером я поймал себя на том, что впервые не считал часы до момента, когда меня должны выпустить. Наверное, потому что окончательно понял: завтра точно не выпустят.

Это не было смирением.

Скорее изменение масштаба торга.

До этого я спорил за утро. Теперь был готов обсуждать неделю.

Для второго дня психиатрической клиники прогресс, наверное, неплохой.

Зато почему-то вспомнил розовую рубашку.

Она у меня была нормальная, кстати. Не цвета фуксии и не с блестками, обычная светло-розовая рубашка, которую я и без всяких игр иногда носил. Но в тот день я специально достал именно её, сфотографировался в зеркале лифта и отправил кому-то из наших:

Бля, моя жизнь стала интереснее.

Я тогда ещё смеялся.

И самое неприятное — меня никто не заставлял.

Никаких денег он ещё не просил.

Ничего не угрожал выложить.

Кажется, я даже не знал, что у него вообще что-то есть.

Я сам согласился играть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.